

Никонова С. И.

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Главное событие послевоенного периода истории – гибель СССР, крах социалистической системы. Причины распада Советского Союза, крушение его государственности, весьма разнообразны и, по нашему мнению, разноплановы. Мы выделили одну – разрушение идеологической основы и крах советской идеологии, которая на наш взгляд, и вызвала необратимые явления, привела к гибели советской цивилизации.

Основой жизнедеятельности любого государства является идеология, определяемая как часть духовной жизни общества. Однако в нашем случае идеология выступает не в качестве надстройки, но стенового хребта, несущей конструкции, парадигмы советского строя, частью советского менталитета.

В первые десятилетия советской власти цель и содержание государственной идеологии - призыв к строительству нового социалистического общества. В период Великой Отечественной войны вся идеологическая машина работает во имя Победы. В послевоенные годы главное – восстановление народного хозяйства и создание социалистического содружества. Послесталинский период – это попытки сохранить неизменной идеологическую основу, подвергнув коррекции пути достижения главной цели - коммунизма. С середины 1960-х гг. получила распространение теория развитого социализма. Тезис о развитом (зрелом) социализме как периоде поступательного, бескризисного развития общества стал концептуальной основой идеологии в последние десятилетия советского строя.

Советское государство в его последние десятилетия можно представить в виде некоего «Титаника», медленно погружающегося в пучину. Команда во главе с капитаном уверена в его непотопляемости, ему не страшны никакие айсберги, на корабле горят огни иллюминации, оркестры играют бравурные марши, все вместе создает иллюзию благополучия, пассажиры и капитан не видят, или не хотят видеть признаков надвигающейся катастрофы. Но «Титаник» тонет... В нашем случае это происходит не стремительно, а в течение нескольких десятилетий, когда руководство страны, политическая и идеологическая элита не хотели замечать тревожных сигналов, и в конечном итоге, привели «корабль» к печальному финалу.

Советское общество представляло собой сложную, во многом уникальную общественную систему. Все элементы этой системы работали на первый взгляд довольно слаженно и гармонично. КПСС и советские

органы осуществляли руководство и определяли направление движения общества, создавали иллюзию «непотопляемости» идеологического курса.

Официальная идеология имела в своем распоряжении достаточный арсенал: средства массовой информации, общественные организации, научный и научно-педагогический персонал вузов и аналитических центров, силовые структуры, - все должно было поддерживать идеологическую константу. Однако, на наш взгляд, это только видимая часть; воздействие внутренних, да и внешних факторов, эрозия постепенно разрушает монолитную идеологическую структуру.

И само советское общество не было идеологически единым. Новые настроения, социальные явления, идеи можно было зафиксировать в самых разных областях духовной жизни. Однако сам характер идеологического курса (охранительно-карательный) не допускал малейших отклонений от догм марксизма-ленинизма.

Идеологическая элита пытается найти новые ориентиры для советского государства в изменившихся условиях. И первой попыткой, по нашему мнению, стала разработка Программы КПСС и создание Морального кодекса строителя коммунизма, принятые на XXII съезде КПСС (1962 г.). Позднее авторы, по сути, новой идеологической доктрины, напишут о «исторических условиях» ее создания.

Ф.Бурлацкий вспоминает, что по заданию Н.С.Хрущева они должны были «родить» этот документ в течение трех часов: «И мы стали фантазировать. Один говорит «мир», другой — «свобода», третий — «солидарность»... Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда всё действительно «ляжет» на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов.

Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошел на «ура».[1] Эта легкость, в какой-то степени, фрондерство, творческий порыв группы консультантов ЦК, работающих над текстом новой редакции Программы КПСС в «тяжелое утро» после «крепкой вечерней пьянки», по меньшей мере, неуместны при составлении такого серьезного документа. Новая Программа КПСС - программа построения коммунизма была обращена не столько к разуму, сколько к чувствам людей. Действительно, несмотря на романтизм и даже идеализм некоторых положений программа не могла не вызывать у людей одобрение; три ее цели: построение материально-технической базы, создание новых производственных отношений, воспитание нового человека — не могли не устраивать общество. И этот романтизм, идеалистическая вера в улучшение качества жизни, в призрачную свободу личности свидетельствует о романтизме советского общества, который

существовал в довоенный период, в годы оттепели и, возможно, до начала 1970-х годов.

Далее романтизм и идеализм окончательно сменяется прагматизмом, другие настроения рождаются в обществе, а наивная вера в партийные обещания уступает место вполне реальным ориентирам собственного благополучия. Вот потому следующая масштабная идеологическая кампания партийных органов – разработка и внедрение концепции развитого или зрелого социализма не вызывает и не может вызвать в обществе душевного отклика, ее «поддерживают и одобряют» механически, выполняя определенные нормы существования человека в социалистическом обществе.

Таким образом, уже в 1960-е гг. начинается явное расхождение массового сознания с идеологическими стереотипами, которые не находили подтверждения в реальной жизни. Эти изменения проходили крайне медленно: у большинства советских людей продолжала господствовать безусловная вера в свою страну, народ, что поддерживало ощущение духовной комфортности и социального оптимизма граждан.

Социальная и духовная комфортность большинства советских людей традиционно держалась на осознании богатой духовной жизни, активном участии в масштабных преобразованиях общества, чувстве социального равноправия, ощущении слитности с делами общества. Высокая оценка своего государства, его места в мире, высокая самооценка, ощущение простоты, ясности и предсказуемости мира, стабильность – все это создавало для большинства ощущение духовного и социального комфорта. Эта вера подкреплялась и реалиями советской действительности: социальными гарантиями, стабильной зарплатой, целым рядом социальных благ (бесплатное образование, медицинское обслуживание, низкий уровень оплаты за жилищные и прочие социальные услуги и т.д.). Казалось, само существование СССР в течение нескольких десятилетий – лучшее подтверждение коммунистической теории.

Основой официальной идеологии оставался марксизм-ленинизм, априори считавшийся не только самым передовым учением, но и единственно верным. Ведущие идеологи страны, ее политические лидеры так и не смогли корректно «поправить» марксизм-ленинизм, приспособить его постулаты к новым реалиям. Более того, власть была уверена в незыблемости официальной идеологии и недооценила кризис советского общества, в большей мере связанный как раз с идеологической сферой.

Перед политологами, обществоведами, пропагандистами, перед гуманитарными науками в 1965-1985 гг. стояли новые и весьма трудные задачи. Старые формы и методы пропаганды, действовавшие на безграмотное крестьянство и рабочий класс, явно отжили свое. На сменушло поколение образованных людей. Революционная агитация и

пропаганда, да и сама идеология должны были стать более глубокими, многомерными, изощренными, подходящими возросшим требованиям масс, которые уже перестали быть массами в строгом смысле слова.

Однако любая коррекция в области идеологии в идеократическом государстве невозможна, так как идеология является его основой, своеобразным материковым шельфом, невидимой частью, на которой держится вся конструкция. В этом ракурсе все потенции не имели смысла, любое новое явление в гуманитарной области (искусство, культура, образ мыслей и стиль жизни) потенциально являлось угрозой системе или же представлялось таковой.

Наш «Титаник» еще на плаву, и изобретенные формулы о зрелом социализме, единой исторической общности, ведущей роли партии принимались как руководство к действию армией советских обществоведов, традиционными методами перерабатывались в простые истины о прогрессе, преимуществе советского строя, обострении идеологической борьбы, что, на наш взгляд, создавало в советском обществе иллюзию стабильности.

Пытаясь сохранить приоритет идеологии в жизни общества, власть ищет новые формы пропаганды. Так, на XXVI съезде (1981 г.) впервые прозвучали слова о *перестройке* многих сфер и участков идеологической работы, что свидетельствует об определенных коррекционных попытках, была использована и новая терминология. Текст Отчетного доклада существенно отличается от документов предыдущих съездов, он менее формален. Однако ортодоксы идеологии не желают принимать во внимание изменившуюся обстановку как внутри общества, так и в мире. В результате перемены происходят слишком поздно, когда время упущено. В немалой степени это относится к программным установкам правящей партии – КПСС.

На XXVI съезде партии было принято решение подготовить важнейший партийный документ – новую редакцию Программы КПСС, которая была утверждена на XXVII съезде партии в 1986 году. Этот документ был разработан партийными идеологами по традиционным шаблонам, с использованием привычных штампов. Отсюда предопределенность ее какой-то ненужности, даже обреченности. Этот налет обреченности, впрочем, лежит на всех документах этого съезда.

Большинство решений XXVII съезда не были выполнены. Более того, скоро жизнь доказала полную несостоятельность идеологии, неспособность власти управлять обществом и государством: тотальный дефицит, продовольственные карточки, пустые прилавки, убийства в очередях за водкой стали реальностью. Конституционные права на труд, бесплатное здравоохранение, образование, социальное обеспечение в старости не могли в полной мере быть гарантированы государством.

Международная политика партии также оказалось несостоятельной. Рухнула мировая система социализма, прекратили свое существование СЭВ и Организация стран Варшавского договора, бывшие социалистические страны (а позже и бывшие советские республики), устремились в НАТО.

И, наконец, самое важное событие – прекратил существование Советский Союз. Тяжелейшие испытания предстояло вынести советскому народу после распада СССР. Декларированная многие десятилетия дружба народов, интернационализм обернулись этническими войнами, неразрешимыми противоречиями между недавно еще «братскими народами». Звучавшие на XXVII съезде слова об интернационализме, о дружбе народов, о гармонии в межнациональных отношениях через несколько лет воспринимаются как миф, как «то, чего не было».

А что же было? Был стремительно меняющийся мир и люди в этом мире, менялось советское общество: возрос интеллектуальный, культурный и образовательный уровень граждан СССР.

Были серьезные проблемы в сфере удовлетворения возросших материальных и духовных потребностей разных социальных групп общества. Власть обвиняла народ в «мещанстве», потребительской психологии, подверженности «культу вещей» и т.п. Идеологически неправильным считалось, что у отдельных граждан, в противовес социалистической этике, мания приобретательства подавляет всякие моральные установки, порождает необузданную жажду обогащения, заставляет человека стремиться к приумножению личной собственности любыми, даже паразитическими, противоправными средствами.

Власть пыталась подавить, в том числе и идейными методами стремление людей к достойным условиям жизни, которые государство не в состоянии было обеспечить. В стране существовал стойкий дефицит многих необходимых для человека вещей и услуг: квартир, автомобилей, одежды, обуви, продуктов питания, книг, качественных бытовых, медицинских услуг и т.д.

Существуют многочисленные документы - письма граждан в высокие инстанции с жалобами на отсутствие продуктов первой необходимости, включая хлеб.

«Хлеб не завозят по 4 дня... Дети редко видят белый хлеб, булки... Нет в продаже муки...» - пишут из Костромской области.

«Для обеспечения бесперебойной трехсменной работы на хлебозаводах власти вынуждены привлекать рабочих и служащих с других предприятий, отсюда низкое качество» - сигнал из Оренбурга.

«Хлеб доставляют по железной дороге из соседнего района. В результате – большие очереди, скандалы. Для наведения порядка вызывают дружинников» - из Читинской области.

Там же «сигналы о перебоях в снабжении трудящихся хлебом или низким его качестве» (гг. Иркутск, Уральск, Челябинск, Артем (Приморский край), Рославль (Смоленская область), Кулебаки (Горьковская область), Минусинск (Красноярский край) и др. В Рузаевке (Мордовская АССР) имел случай отравления людей продуктами местного хлебокомбината, среди пострадавших были дети. Из отдельных республик и областей наряду с «сигналами о перебоях в торговле хлебом и некоторыми другими продуктами массового спроса поступали жалобы на случаи перебоев в торговле солью и столовым уксусом».[2] И это в мирное время!

Власть констатирует, но не исправляет ситуацию, единственный реальный выход – введение карточек и талонов на товары массового спроса, что стало распространенным явлением в данный период. Не в силах справиться с довольно скромными потребностями советских людей, партийные и властные структуры демагогически вещали о кризисе нравственного сознания, социально-психологическая основа которого - мелкособственнические, мелкобуржуазные представления о жизни.

Легкая и пищевая промышленность, производство товаров народного потребления, строительная индустрия, сфера обслуживания и культуры не справлялись с новыми требованиями, не успевали за возросшим уровнем потребностей общества. В какой-то степени растущие потребности советских людей удовлетворял частный сектор и «теневая экономика», различные «подпольные цехи».

Показательно, на наш взгляд, распространение такого явления как коррупция во всех эшелонах власти, в силовых структурах. Судебные процессы, где обвиняемыми выступают директора крупнейших магазинов, выявляют, в том числе, и сложившую коррупционную систему, которая включает высших должностных лиц министерств и ведомств, советских и партийных органов.

В 1983 г. началось расследование так называемого «узбекского дела», которое выявило тотальную картину взяточничества в партийно-государственном аппарате. Подобные коррупционные скандалы прокатились по многим национальным республикам страны, и в какой-то степени слились с беспорядками на национальной почве.

Национальный вопрос в СССР в 1960-80-е годы реально существовал, как бы не пытались отрицать это партийные идеологи. Со второй половине 1960-х годов органы КГБ проводят работу по пресечению националистической деятельности в разных районах страны: на Украине, в

Прибалтике, Азербайджане, Молдавии, Армении, России: Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, Татарской и Абхазской АССР.

Асоциальные, преступные явления в жизни советского общества, связанные с изменой, коррупцией, казнокрадством, принимавшие все более масштабные формы, безусловно, свидетельствуют об эрозии идеологической основы, о серьезных проблемах во всех сферах государственной системы, о недовольстве людей.

Недовольство проявлялось в нарушении производственной и трудовой дисциплины, в халатном отношении к выполнению своих обязанностей на предприятиях и в учреждениях. Советские граждане желали выезжать за границу, публично говорить о том, что волнует. Творческая интеллигенция не желала мириться с тем, что произведения литературы могли быть не опубликованы по идейному содержанию, картины могли не допустить в выставочные залы, спектакли – к зрителю, снятые кинофильмы отправить «на полку», песни – не включить в концертную программу и т.д.

Вопреки распространенному мнению, даже в самые суровые годы политических репрессий в советском государстве не было всеобщего и беспрекословного подчинения идеологической системе; существовала неофициальная общественная мысль и люди – носители другого мировоззрения. Атмосфера общества и настроения в нем содержали два пласта: сверху – здравицы в честь вождей, массовые митинги в поддержку или в знак протеста, а глубоко внизу – несогласие с идеологическими догмами, основанная на здравом смысле критика существующего режима, недовольство условиями жизни, работы, творчества.

Таким образом, социальное равенство и идеологическое единомыслие советского общества на поверку оказалось мифом. Разнообразие мнений, мировоззрений, взглядов открыто проявлялось среди разных слоев населения, разных социальных групп.

Властные структуры жестко пресекали инакомыслие, особые меры применялись против разного рода диссидентов: аресты, лишение свободы, направление на принудительное лечение в психиатрические клиники, дискредитация в средствах массовой информации, лишение советского гражданства, изгнание из страны. Акции диссидентов, шумиха вокруг них в западной печати и на радио, вызывали не страх, а скорее, раздражение и досаду у властных структур. Они видели в нарождающейся оппозиции угрозу существованию идеологической основы государства. В то же время, противопоставить что-либо новым общественным идеям и настроениям, кардинальные изменения в идеологической парадигме советского общества были невозможны: это повлекло бы разрушение всей идеологической конструкции.

Появление инакомыслящих, рост протестных настроений, вызвало перестановку акцентов в работе органов госбезопасности. В отдельных случаях исключительно со стороны Комитета заметна обеспокоенность негативными проявлениями в различных сторонах жизни советского общества. Однако высшие органы власти демонстрируют нежелание адекватно реагировать на ситуацию. Борьба с проявлением протеста фактически перекладывалась на систему госбезопасности, а сами протестные проявления воспринимались как исключения, не отражающие ситуацию в целом.

В борьбе за чистоту идеологического пространства на первое место выходит Комитет государственной безопасности и берет на себя нехарактерные для подобной структуры функции: это не только политическая полиция, но и аналитический центр, научно-исследовательский институт. КГБ обладает самой достоверной информацией о положении в стране и весьма неохотно делится с ней даже с высшим партийным руководством.

Таким образом, главным экспертом в духовной области являлся Комитет Государственной безопасности, на который возлагаются несвойственные функции и которому предоставляются правовые возможности для подавления любого инакомыслия в стране. Обоснование для такого жесткого идеологического курса – идеологическое противостояние двух общественных систем, «психологическая война» между миром социализма и миром капитализма, война, в которой используются разнообразные методы и средства. Можно сделать вывод, что в этом противостоянии советская сторона проиграла в конечном итоге: рухнула советская система, прекратило существование советское государство. Таким образом, область идеологии оказалась, возможно, самым уязвимым местом социалистической системы.

Литература

1. Судьба дала мне шанс. Беседа с Ф. М. Бурлацким. - Российский адвокат, № 5, 2007.
2. РГАНИ. Ф.89. Оп.43. Д.58.